

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Матеріалы для его біографіи.

1813 — 1869.

До сихъ поръ публикѣ нашей было очень мало извѣстно подробностей о жизни и личности Даргомыжскаго, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ значительныхъ нашихъ художниковъ. Теперь этотъ крупный пробѣлъ перестанетъ существовать. Мы имѣемъ наконецъ возможность представить русской публикѣ цѣлую массу важныхъ документовъ, бросающихъ яркій свѣтъ на личность Даргомыжскаго, и дающихъ возможность оцѣнить съ разныхъ сторонъ этого замѣчательнаго человѣка. Онъ слишкомъ долго оставался неузнаннымъ и непризнаннымъ. Въ настоящую минуту наступаетъ и для него пора.

Въ прошломъ году редакція „Русской Старины“ получила отъ стариннаго друга и товарища Даргомыжскаго, Владиміра Георгіевича Кастріото-Скандербека, все собраніе писемъ, писанныхъ къ нему Даргомыжскимъ въ періодъ времени отъ 1843 до 1847 года. Получивъ приглашеніе редакціи разобрать эти письма, привести ихъ въ порядокъ и опредѣлить время тѣхъ изъ нихъ, на которыхъ не стояло года, мѣсяца и числа, я съ удовольствіемъ исполнилъ эту задачу, но подумалъ, что было бы хорошо поискать у родныхъ и знакомыхъ Даргомыжскаго еще другихъ его писемъ и свѣдѣній о его жизни. Усилія мои не остались тщетными: сестра его, Софья Сергѣевна Степанова, сама вызвалась сообщить мнѣ все, извѣстное ей о покойномъ братѣ ея, и вмѣстѣ прислала мнѣ очень много писемъ его, писанныхъ: во-первыхъ, къ отцу ихъ, Сергѣю Николаевичу Даргомыжскому, изъ путешествія 1844 — 1845 года, и во-вторыхъ, къ ней, изъ Парижа и Брюсселя въ 1864 и 1865 гг.; близкіе знакомые

Даргомыжскаго, и всегдашніе участники въ его музыкальныхъ собраніяхъ, Владиміръ Тимоѣевичъ Соколовъ и Михаилъ Романовичъ Шиглевъ также передали мнѣ письма Даргомыжскаго изъ Брюсселя, начала 1865 г.; наконецъ, пріятель его, Константинъ Николаевичъ Вельяминовъ отдалъ въ мое распоряженіе письма къ нему Даргомыжскаго отъ 1856 по 1868 г. Ко всему этому я приложилъ нѣсколько небольшихъ записокъ и ко мнѣ, отъ 1857 по 1868 г.

Не удовольствуясь этимъ матеріаломъ, уже и такъ богатымъ, я попросилъ Модеста Петровича Мусоргскаго, въ продолженіе многихъ лѣтъ бывшаго въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ Даргомыжскимъ, написать свои воспоминанія о немъ. Сверхъ того, я счелъ необходимымъ перепечатать вновь „автобіографическую записку“ Даргомыжскаго, написанную весной 1866 г., и напечатанную сначала, въ извлеченіи, въ „Нувеллистѣ“ (1866, № 6, іюнь), а потомъ, съ значительными пропусками въ журналѣ Сѣрова: „Музыка и театр“ (іюль 1867 г., № 9-й). Еще въ 1869 г. я печатно заявлялъ („С.-Петербургскія Вѣдомости“, № 24-й) объ этихъ пропускахъ, но Сѣровъ ничего не отвѣчалъ на мои жалобы, и ничего не объяснилъ о причинахъ своихъ урѣзокъ—онъ, который въ своихъ статьяхъ никогда не терпѣлъ никакихъ сокращеній. Я возстановляю теперь автобіографію Даргомыжскаго въ настоящемъ ея видѣ, а въ примѣчаніяхъ къ ней сообщаю еще нѣсколько свѣдѣній о жизни Даргомыжскаго, которыя перевозжу изъ „Biographies des musiciens“ — Фетиса (т. II, изданіе 1861 г., стр. 430): Даргомыжскій самъ сообщилъ эти свѣдѣнія своему пріятелю Фетису.

Со своей стороны, я представлю также и нѣсколько своихъ собственныхъ воспоминаній о Даргомыжскомъ: онѣ относятся къ годамъ отъ 1855 по 1869 г., т. е. къ періоду самой сильной музыкальной дѣятельности Даргомыжскаго и самаго могучаго развитія и разцвѣта этой необыкновенной личности.

Въ заключеніе мнѣ остается желать, чтобъ и остальные знакомые Даргомыжскаго сообщили въ печати то, что имъ извѣстно о немъ, или напечатали бы уцѣлѣвшія у нихъ письма этого столько своеобразнаго художника.¹⁾

В. В. Стасовъ.

¹⁾ Редакція «Русской Старины» къ этой просьбѣ своего уважаемаго сотрудника присоединяетъ и свою просьбу: страницы нашего изданія всегда открыты для статей, замѣтокъ и матеріаловъ, относящихся къ біографіи одного изъ сильнѣйшихъ отечественныхъ талантовъ, какимъ былъ А. С. Даргомыжскій.

Ред.

I.

Автобіографія Даргомыжскаго.

Я родился въ 1813 году¹⁾ въ деревнѣ.²⁾ Имѣніе отца моего и матери, урожденной княжны Ковловской, находится въ Смоленской губерніи.

Въ 1817 году³⁾ я былъ перевезенъ въ Петербургъ. По модѣ тогдашняго времени я воспитывался дома, и въ 1819 году началъ брать уроки на фортепяно у дѣвицы Луизы Вольгеборнъ, а въ 1821 году у весьма хорошаго музыканта, Андріана Трофимовича Данилевскаго. Въ 1822 году началъ учиться на скрипкѣ у П. Г. Воронцова, скрипача изъ оркестра г-на Юшкова.⁴⁾

Страсть и прилежаніе мое къ музыкѣ были такъ сильны, что я, несмотря на многочисленныя уроки, которые долженъ былъ готовить для приходящихъ русскихъ и иностранныхъ учителей, на 11-мъ и 12-мъ году моего возраста уже сочинялъ самоучкой разныя фортепянныя пьески и даже романсы. Забавно, что Данилевскій не любилъ поощрять меня къ сочиненіямъ, и уничтожалъ мои рукописи. Однако нѣкоторыя изъ нихъ уцѣлѣли, и нынѣ еще хранятся у меня. Окончательное образованіе мое въ фортепянной игрѣ поручено было извѣстному ученику Гуммеля и отличному музыканту, Шоберлехнеру, а первоначальныя правила вокальнаго искусства и нѣкоторыя свѣдѣнія объ интервалахъ передалъ мнѣ учитель пѣнія Цейбихъ.⁵⁾

Въ 1830-хъ годахъ я былъ уже извѣстенъ въ петербургскомъ обществѣ какъ сильный піанистъ. Шоберлехнеръ называлъ меня

¹⁾ 2-го февраля.

В. С.

²⁾ Въ деревнѣ Тульской губерніи, во время отступленія Французовъ. Онъ началъ говорить только 5-ти лѣтъ: до тѣхъ поръ, родители думали, что онъ будетъ нѣмой.

В. С.

³⁾ Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1817 г.

В. С.

⁴⁾ Съ самаго дѣтства онъ обнаруживалъ рѣшительную склонность къ искусствамъ, и въ особенности къ театру. Онъ самъ устраивалъ маленькіе кукольные театры, и сочинялъ для нихъ нѣчто въ родѣ водевилей. Семи лѣтъ отъ роду ему дали фортепяннаго учителя, съ которымъ онъ вѣчно спорилъ, потому что больше занимался сочиненіемъ малѣйшихъ сонатъ и рондо, чѣмъ изученіемъ механизма фортепянной игры.

В. С.

⁵⁾ Пятнадцати и шестнадцати лѣтъ отъ роду (1828—1829 г.) онъ сочинялъ нѣсколько дуэтовъ для фортепяно и скрипки, а также нѣсколько квартетовъ.

В. С.

первымъ своимъ ученикомъ. Ноты читалъ я какъ книгу, и участвовалъ во многихъ любительскихъ концертахъ. Въ квартетахъ я исполнялъ вторую скрипку и альтъ, можно сказать, безукоризненно. Лучшіе артисты, какъ-то: Бемъ, Мейнгардтъ, Ромбергъ, оставались мною довольны.

Въ то время, то-есть на 18-мъ и 19-мъ году моего возраста, написано было мною, конечно не безъ ошибокъ, множество блестящихъ сочиненій для фортепьяно и скрипки, два квартета, кантаты и множество романсовъ; нѣкоторые изъ этихъ сочиненій были тогда же изданы, а нѣсколько романсовъ того времени и теперь еще въ ходу между любителями пѣнія.¹⁾

Въ 1833 году познакомился я съ М. И. Глинкой. Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искусству тотчасъ сблизили насъ, несмотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня. Мы въ теченіе 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дружба наша не поколебалась даже и въ послѣдніе года жизни Михаила Ивановича, когда нашлись, по обыкновенію, пріатели, старавшіеся всѣми силами возбудить между нами артистическое соревнованіе; образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями.²⁾

Примѣръ Глинки, который тогда (въ 1834 году) съ помощью моею и капельмейстера Юганниса, дѣлалъ оркестромъ князя Юсупова первыя репетиціи оперы своей «Жизнь за царя», и дѣльные совѣты Н. В. Кукольника заставили меня серьезно заняться изученіемъ теоріи музыки. Глинка передалъ мнѣ привезенныя имъ изъ Берлина теоретическія рукописи профессора Депа. Я списалъ ихъ собственною рукою, скоро усвоилъ себѣ мнимыя премудрости генераль-баса и контрапункта, потому что съ дѣтства былъ къ тому практически подготовленъ, и занялся изуче-

¹⁾ «О ma charmante», «Дѣва в роза», «Ты хорошенькая», «Какое дядя», «Камень тяжелый», «Голубые глаза», «Владико дней моихъ», «Баба старая».

²⁾ Восемнадцати лѣтъ (1831 г.) Даргомыжскій поступилъ на службу въ министерство двора (по контрольной части, при чемъ ему дана была работа по отдѣленію императорскихъ театровъ). Въ отставку онъ вышелъ въ 1835 г., съ чиномъ титулярнаго совѣтника. Къ этому я прибавлю, что отецъ Даргомыжскаго былъ большой пріатель тогдашняго директора театровъ, Ал. Мих. Геденова, и по его личной просьбѣ, составилъ проектъ (тогда же утвержденный) положенія о театрахъ 1828 г.

ніемъ оркестровки. Первые опыты мои въ оркестровкѣ были сдѣланы для концертовъ, которые мы, вмѣстѣ съ Глинвою, устраивали съ благотворительною цѣлію; опыты были удачны.

Понятно, что тогда возгорѣлось во мнѣ желаніе приняться за трудъ болѣе широкій. Составивъ планъ французской оперы («Лукреція Борджіа»), я написалъ нѣсколько нумеровъ; но, по совѣту В. А. Жуковского, скоро оставилъ этотъ невозможный, въ то время для Россіи, сюжетъ и началъ писать музыку на французское либретто Виктора Гюго «Эсмеральда». Работа шла быстро! Въ 1839 г. опера была окончена, переведена на русскій языкъ, и представлена мною въ дирекцію театровъ. Несмотря на одобреніе ея капельмейстерами театровъ, несмотря на всѣ постоянныя мои хлопоты, старанія и просьбы поставить ее на сцену,—«Эсмеральда» пролежала у меня въ портфель цѣлыя восемь лѣтъ. Вотъ эти-то восемь лѣтъ напраснаго ожиданія, и въ самые кипучіе года жизни, легли тяжелымъ бременемъ на всю мою артистическую дѣятельность.

Въ 1844—1845 годахъ ѣздилъ я за границу, гдѣ лично познакомился съ Оберомъ, Мейерберомъ и другими европейскими композиторами, но ближе всѣхъ сошелся съ Фетисомъ въ Брюссель, и Галеви въ Парижѣ. Хотя я за границей не являлся какъ композиторъ ни въ какихъ публичныхъ концертахъ, но исполненіе разныхъ моихъ сочиненій на частныхъ вечерахъ въ Брюссель, Парижѣ и Вѣнѣ вызвало лестныя одобренія нѣкоторыхъ иностранныхъ газетъ.

По возвращеніи моемъ изъ-за границы, удалось мнѣ выхлопотать себѣ, въ видѣ милости, дозволеніе на поставку «Эсмеральды» въ Москвѣ. Она дана была въ первый разъ, съ большимъ успѣхомъ, на московскомъ театрѣ, 5-го декабря 1847 года. Полагаю, что отзывы обо мнѣ иностранныхъ газетъ не мало содѣйствовали къ дозволенію со стороны дирекціи поставить оперу мою въ Россіи.

Еще въ 1840-хъ годахъ, во время тягостнаго ожиданія постановки «Эсмеральды», набросаны были мною нѣсколько нумеровъ небольшой, но довольно широко задуманной, лирической оперы «Торжество Ваха», на текстъ Пушкина. Кончатъ ее мнѣ не хотѣлось, не слыхавъ еще на сценѣ и въ оркестрѣ и первой моей оперы. Ободренный успѣхомъ въ Москвѣ, успѣхомъ насто-

ящимъ, потому что, живя постоянно въ Петербургѣ, я не имѣлъ въ Москвѣ ни единой знакомой души, а въ 1848 году поспѣшилъ окончить «Торжество Вакха» и представилъ его въ дирекцію театровъ. Но дирекція положительно отказала мнѣ въ постановкѣ этой оперы на сцену, не объявивъ даже причины этого отказа.

Въ 1851 году «Эсмемральда» дана была, въ бенефисъ Петрова, здѣсь, въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ. Несмотря на совращеніе многихъ нумеровъ музыки, на замѣнъ написаннаго мною блестящаго балета вставною венгерскою полькой, и на скудную, даже жалкую монтировку, опера имѣла успѣхъ. Извѣстный итальянскій пѣвецъ Тамбурины хлопоталъ о дозволеніи ему поставить «Эсмемральду» для своего бенефиса, на итальянской сценѣ, но ему въ этомъ было отказано.

Драматическое творчество мое охладѣло; я началъ писать множество отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ: романсы, пѣсни, арии, дуэты, тріо, квартеты, изъ коихъ почти половина (числомъ болѣе 100) изданы здѣсь, въ Петербургѣ. Притомъ, обращаясь постоянно въ обществѣ пѣвцовъ и пѣвицъ, мнѣ практически удалось изучить какъ свойства и изгибы человѣческихъ голосовъ, такъ и искусство драматическаго пѣнія. Могу смѣло сказать, что не было въ петербургскомъ обществѣ почти ни одной извѣстной и замѣчательной любительницы пѣнія, которая бы не пользовалась моими уроками, или по крайней мѣрѣ моими совѣтами (Билибина, Бартенева, Шиловская, Бѣленицына, Гирсъ, Павлова, кн. Манвелова и десятки другихъ, менѣе извѣстныхъ).

Однако, отказы дирекціи поставить на сцену «Торжество Вакха» и дать «Эсмемральду» въ приличномъ видѣ на итальянской сценѣ, не могли еще совершенно заглушить во мнѣ стремленіе къ творчеству музыки драматической, и я приступилъ къ составленію плана и собиранію матеріаловъ для оперы «Русалка». Впрочемъ я началъ писать ее безъ всякой опредѣленной цѣли, для собственнаго удовольствія, для удовлетворенія неутомонившейся еще моей фантазіи. Работа шла медленно и не предвзначалась на судъ публики.

Въ 1853 году князь В. Ѳ. Одоевскій и А. Н. Карамзинъ предложили мнѣ дать концертъ въ пользу Общества посѣщенія бѣдныхъ. Концертъ этотъ состоялся 9-го апрѣля, въ залѣ Дво-

рянскаго Собранія.¹⁾ Блистательный и неожиданный успѣхъ этого концерта далъ новый толчокъ моему дѣятельности, и опера «Русалка» была окончена въ 1855 году, а въ маѣ 1856 г. поставлена на Театръ-циркѣ (нынѣ Маріинскій театр).²⁾

«Русалка» въ публикѣ имѣла успѣхъ, а иностранными артистами, успѣвшими познакомиться съ нею, и даже нѣкоторыми знатоками музыки изъ русскихъ, она признана за произведеніе замѣчательное. Къ сожалѣнію, репертуарное начальство, капельмейстеръ и режисеръ считаютъ ее оперою неудачною, въ которой, по выраженію ихъ, нѣтъ ни одного мотива. Вслѣдствіе этого опера исполняется второстепенными артистами, дается рѣдко, кое-какъ, въ лѣтніе мѣсяцы, а зимой вовсе не дается. Въ 1858 г. «Русалка» поставлена была на московскомъ театрѣ, для бенефиса г-жи Семеновой.³⁾ Въ 1866 г. «Русалка» стала даваться съ тою же обстановкой, но съ невѣроятнымъ, загадочнымъ успѣхомъ: дѣло времени.

Въ 1859 г. возобновлена была здѣсь, на Александринскомъ театрѣ, для бенефиса Булахова, опера моя «Эсмеральда», съ удовлетворительнымъ успѣхомъ. На Маріинской сценѣ опера эта не возобновлялась.

Я не ошибусь, если отнесу нерасположеніе театральнаго начальства къ простому убѣжденію въ недостаточности моего таланта, въ сравненіи съ другими русскими композиторами, которыхъ оно старалось, и нынѣ старается, поддерживать всѣми зависящими отъ него средствами. Не буду входить въ справедливость или неосновательность его убѣжденій, но, во всякомъ случаѣ, нахожу благоразумнымъ съ моей стороны уступить въ этой неравной 20-ти-лѣтней борьбѣ и, пока еще есть время, обратить артистическую свою дѣятельность къ другимъ цѣлямъ.

Послѣ оперы «Русалка» написалъ я много отдѣльныхъ вокальныхъ пьесъ и началъ-было русскую волшебную-комическую оперу; но, теряя надежду на поддержку, я бросилъ писать оперу,

¹⁾ Въ этомъ концертѣ ему былъ поднесенъ великолѣпный капельмейстерскій жезлъ («Новеллисть», 1866 г., іюнь, стр. 42). В. С.

²⁾ Въ бенефисъ г-жи Булаховой, очень не въ блестящемъ видѣ. (Тамъ же).

³⁾ Въ декабрѣ 1865 г. «Русалка» была вновь поставлена, въ бенефисъ г. Коминсаржевскаго, на Миринскомъ театрѣ («Новеллисть» 1866 г., іюнь, стр. 42).

и обратился къ сочиненіямъ симфоническимъ, которыя со временемъ могутъ быть исполнены за границей.

II.

Письма Даргомыжскаго къ отцу.¹⁾

(Парижъ.—Декабрь 1844).

.... Мейерберъ — въ драмѣ не силенъ. Сюжетъ «Роберта» — преданіе, фантастическая сказка средняго вѣка, и онъ совершенно впадаетъ въ колею призванія Мейербера. Въ «Гугенотахъ» — религиозный фанатизмъ и сильная драма: неистовство народное и злоба католицизма выражены — превосходно; въ нихъ есть нѣчто сатаническое, сродное перу Мейербера, но драматическія сцены — шумны, замысловаты, а куда какъ далеки отъ природы! Сидя въ оперѣ, я держалъ въ рукахъ либретто: каждую драматическую сцену я зналъ впередъ, и слушая музыкальную идею вслѣдъ затѣмъ, не нашелъ ни одной идеи, писанной по увлеченію. Мастерство и умъ — неимовѣрные, но никакое мастерство и никакой умъ не поддѣляются подъ сердце человѣческое. Самый высокій художникъ не есть еще поэтъ. О «Жидовкѣ» писать нечего: вы знаете и музыку, и лошадей въ золотыхъ попонахъ. Стало быть мнѣ остается сказать вамъ нѣсколько словъ объ исполненіи.

Французскую большую оперу можно сравнить съ развалинами превосходнаго греческаго храма. Видя обломки этого храма, художникъ можетъ заключить о величествѣ и изяществѣ самого храма, а между тѣмъ храма уже не существуетъ. Такъ точно, слышавши Falson, Duprez, и полный, стройный оркестръ Большой оперы, я могу себѣ вообразить, что это было въ цвѣтушіе годы! Могу вполне убѣдиться, что французская опера могла сравниться и превзойти всякую итальянскую; но все-таки сузу по однимъ обломкамъ. Теперь — исполненіе почти средственное. Ensemble не тотъ, который долженъ былъ быть. Оркестръ не вездѣ ровень, хотя всегда въ строгомъ смыслѣ вѣривъ. Douz-Gras — пѣвица съ умомъ и толкомъ. Огня мало, но благородства и оконченности довольно. Duprez хотя не съ сильнымъ, звучнымъ голо-

¹⁾ Даргомыжскій поѣхалъ за границу 23-го сентября 1844 г., а воротился въ Петербургъ въ концѣ апрѣля или началѣ марта 1845 г.

сомъ, но высокій артистъ, въ полномъ смыслѣ слова. Мудрено речитативы говорить отчетливѣе и благороднѣе Duprez. Въ широкомъ пѣньѣ и драматическомъ, онъ, какъ говорится, не *laisse rien à désirer*. Вотъ впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на меня, но не забудьте, что это второй томъ Пасты, которая въ бытность свою въ Петербургѣ¹⁾ не всѣхъ восхищала, а нѣкоторыхъ. Чтобъ цѣнить Duprez, какъ я цѣню его, надо умѣть отдѣлать средства голоса человѣка отъ мастерства артиста-пѣвца. Прочіе пѣвцы и пѣвицы, исключая *Baroillet*, котораго я еще не слыхалъ, но, не исключая даже извѣстнаго *Levasseur*—болѣе или менѣе плохи, а не испортили бы нашей «Аскольдовой могилы».

На итальянской оперѣ слышалъ я «*Linda di Chamouni*»—Донизетти. Объ этой музыкѣ говорить нечего. Во-первыхъ, вы услышите ее въ Петербургѣ, а во-вторыхъ, когда медаль или монета отчеканены и описаны, надо-ли еще описывать слѣдующія за ними медали или монеты, которыя чеканятся по той же формѣ и тою же машиною? Пѣли: *Persiani*, *Magio*, *Brambilla* (контральтъ) и *Fognasagi*. Какъ пѣвица, *Persiani* безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ первокласснымъ пѣвицамъ. Голосъ, хотя не свѣжій, но гибкій и обработанный. Вкуса и граціозности—бездна. Но она поетъ партіи *mezzo-soprattore*. *Magio*, теноръ въ лучшей порѣ, съ приятнымъ, свѣжимъ голосомъ, но не сильнымъ, такъ хорошъ, что много напомнилъ мнѣ Рубини, которому онъ, впрочемъ, явно ищетъ подражать. Онъ еще не оконченный артистъ, но я полагаю, что онъ долженъ подняться очень высоко. *Brambilla*, съ отцвѣтшимъ, сиповатымъ голосомъ, ивобличаетъ бывшую порядочную пѣвицу итальянской школы. *Fognasagi* хочеть тоже протереться въ артисты, да вѣзется и остается при своемъ хотѣньи. Ансамбль весьма удовлетворителенъ.

Стѣны театра, подъ названіемъ *Gymnase dramatique*, трещать ежедневно отъ прилива парижскаго *tiers-état* смотрѣть водевилъ въ русскихъ нравахъ: «*Ivan le moujik*». Надо вамъ сказать, что я теперь покуда живу парижаниномъ, т. е. въ 9 ч. утра надѣваю шляпу, пальто и иду въ ближайшій кофейный домъ пить кофе и читать журналы. Не интересуясь политикой, я чи-

¹⁾ Въ 1840 году.

таю обыкновенно «Le Corsaire», «Le Charivari», «Le Tintamaï», и тому подобные, которые наполняются глупою, но часто смѣшною бранью, на всѣхъ и на все безъ разбора. И такъ, во всѣхъ этихъ журналахъ прочесть я похвалу помянутому водевилю «Ivan le moujik», но каждый изъ журналовъ начинается разсказъ свой разнымъ именемъ. «Corsaire» пишетъ Shépiloff, seigneur russe и проч. «Charivari» пишетъ Shouvaloff, seigneur russe, «Journal des Débats», который тоже хвалить водевиля, пишетъ Balishoff, seigneur russe и проч. Это возбудило мое любопытство. Я заплатилъ 6 франковъ и отправился смотрѣть «Ivan le moujik». Первое, что я увидѣлъ въ афишкѣ, было: Vachouloff, seigneur russe. По этимъ бездѣлицамъ можно судить о безвозможности французскихъ журналистовъ. Во-первыхъ, зала театра и публика совершенно въ родѣ франкфуртскихъ, которыхъ я описалъ вамъ въ письмѣ изъ Брюсселя. Теперь, вотъ водевиля (слѣдуетъ описаніе очень нелѣпаго водевиля въ томъ самомъ родѣ, въ какомъ множество писалось въ 1840-хъ годахъ во Франціи, и мы приведемъ здѣсь одно только окончаніе, котораго совершенно достаточно для охарактеризованія покаяній автора о Россіи. Дѣло происходитъ на балѣ у помѣщика Башулова)... Seigneur Vachouloff, чтобъ унижить Ивана-мужика, велитъ ему взять подносъ и подносить питье гостямъ. Иванъ-мужикъ (крѣпостной Башулова, но уже знаменитый пѣвецъ) бросаетъ подносъ на полъ. Башуловъ велитъ кнутовать Ивана-мужика. Гости выходятъ въ другія комнаты, а на мѣсто ихъ является крѣпостной казакъ въ видѣ knoutier en chef, и при немъ еще два knoutiers и одинъ sous-knoutier. Приносятъ кнутъ, совершенно такой, какъ наши кучерскіе кнуты. Я того и глядѣлъ, что разложить бѣднаго Ивана-мужика; но вышло совсѣмъ наоборотъ. Ольга (невѣста Ивана-мужика) перехватила какую-то вольную оду, положенную на музыку г. Башуловымъ во время немилости его auprès du tsar, и явилась какъ разъ тутъ съ этой музыкой, писанной рукою Башулова. Иванъ-мужикъ страшаетъ господина, что покажетъ эту оду и музыку великому князю, который, не забудьте, тутъ же на балѣ (въ нелѣпомъ фантастическомъ какомъ-то костюмѣ), и Башуловъ съ испуга пишетъ вольную Ивану-мужику и Ольгѣ, которые оканчиваютъ водевиля словами: «Au diable la Russie — allons-nous en en France, le pays

de la liberté et des arts!» А я, выходя изъ театра, подумалъ: «Au diable le théâtre du Gymnase, allons-nous en au café où l'on prend du chocolat».Театры я нахожу разворительными. Не и въ нихъ часто ходить надобѣсть. Сижу часто дома за своими фортепьянами и маракъ бумагу..... Alexandre.

(Парижъ. — Январь 1845).

На этой недѣлѣ слышалъ я новую оперу «Marie Stuart», сочиненія Нидермейера. Писано и правильно и гладко, а выходить и пасквильно и гадко. Шутки въ сторону, «Marie Stuart» напоминаетъ стилемъ своимъ духъ Плейелей и Дуссековъ: какая-то старинная жидкость разлита въ жилахъ инструментовки; драма является въ напудренномъ парикѣ съ кошелькомъ назади. Развѣ промелькнуть два или три мѣста, похожія на новый, живой стиль нашего времени. Эта опера, ежели и не совсѣмъ дурна, то никакъ не можетъ быть въ нашемъ вѣкѣ удовлетворительна. Поставили ее по проскамъ m-me Stolz, которая выбрала ее для того, чтобъ явиться въ публику въ 8-ми разныхъ бархатныхъ и атласныхъ костюмахъ: и сдѣлала очень хорошо, потому что при ея отвратительной фizioноміи и писеливомъ пѣньѣ, надо брать хоть костюмами. Въ этой же оперѣ дебютировалъ новый теноръ Gordoni, молодой человекъ съ хорошими голосомъ и съ талантомъ. Онъ поетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ отпѣваетъ свой голосъ. Усилия его такъ сверхъестественны, что онъ долженъ скоро перекричать его. Эта гортанная метода пѣнья сильно укоренилась на французской оперѣ. Извѣстный Vagoilhet и самъ ей слѣдуетъ, и другихъ по ней учить.

До сихъ поръ описаніе мое изящнаго здѣшняго міра весьма не льстиво; но чтобъ не быть несправедливымъ, должно сказать, что нѣкоторые парижскіе театры замѣчательны и актерами и пьесами. Есть родъ театральныхъ пьесъ, который родился во Франціи, это водевиль. Не воображайте, что вы видите водевиль на петербургской французской сценѣ, — неправда! Мы видали львовъ и тигровъ въ влѣткахъ, сонныхъ, усталыхъ, но тѣ-ли это львы и тигры, которые рычатъ въ Африкѣ, въ степи? Такъ точно и французскіе водевили на нашей сценѣ: зубы у нихъ подпилены, а беззубый водевиль хуже беззубой женщины! Надо видѣть, сколько ума и остроты въ здѣшнихъ водевиляхъ. Надо

слышать эти болкія насмѣшки надъ литераторами, новыми пьесами, министрами и проч.

Théâtre des Variétés имѣетъ сюжетовъ отличныхъ: Vernet—высокій буфъ. Lafont, Hyacinthe—отличные актеры, а самаго знаменитаго изъ нихъ, Bouffé, я еще не видалъ. Théâtre du Vaudeville—волеть не въ бровь, а прямо въ глазъ. Что бѣдный Eugène Sue отъ него терпитъ, такъ даже жаль его. Чѣмъ болѣе я приближаю Французовъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что они не могутъ не смѣяться надъ всѣмъ, что только существуетъ подъ луною. Они ругаютъ насъ, и Англичанъ, и Нѣмцевъ, но за то и себя не щадятъ. Грызутъ другъ друга такъ — qu'il doit n'en rester que les deux queues.

Вечеръ 11 часовъ. Сейчасъ воротился я съ великаго музыкальнаго торжества. Весь Парижъ собранъ былъ въ Théâtre des Italiens слушать сочиненія Félicien David, новаго французскаго композитора, котораго всѣ здѣшніе журналы провозгласили заранѣе вторымъ Бетговенемъ. Главнѣйше привлекала всѣхъ симфонія съ хорами и солами, съ арабскими словами и чтеніемъ французскихъ стиховъ, подъ названіемъ «Le Désert». Вы прежде всѣхъ получите свѣдѣнія объ этомъ концертѣ, и можете передать ихъ всѣмъ нашимъ любителямъ. Я насилу досталъ билетъ, и то за 17 франковъ. Французы бѣсновались отъ восхищенія, но мы смотримъ другими глазами. Нельзя отказать Давиду въ нѣкоторомъ талантѣ, но онъ столько же Бетговенъ, сколько мой вукишъ — Вандомская колонна. Первая его симфонія очень не дурна, но съ промахами, изобличающими ученика. Лучше всего понравился мнѣ финаль этой симфоніи, который много — въ родѣ Обера. Потомъ пѣли разные его романсы, мелодіи и хоріки. Это просто нигуда негодно. Ежели парижане имъ аплодируютъ, то должны Мазини¹⁾ монументъ воздвигнуть. Наконецъ является знаменитая симфонія, «Le Désert»: Тутъ слышна степь, видно пѣнье Аравитянъ. Тутъ буря, ночь, восходъ солнца и многое еще другое. Вообще музыка писана правильно и является довольно мыслей, хотя не оригинальныхъ. Но, несмотря на то, что Давидъ ѣздилъ на Востокъ за мелодіями для этой симфоніи, я въ ней нашелъ такъ мало арабскаго духа, и столько

¹⁾ Мазини—извѣстный сочинитель плохихъ романсовъ.

французскаго пуха, что ее надо назвать «Les boulevards de Paris». А арабская пѣсня въ этой симфоніи ужасно напомнила мнѣ пѣсню «Ивана-мужика».

Не жалѣя расходовъ вашихъ за тяжеловѣсность письма моего, посылаю вамъ еще экземпляръ Брюссельской газеты «L'Émancipation», и письмо Фетиса къ Шлезингеру, напечатанное въ «Gazette Musicale» № 52, 29 Décembre 1844. Alexandre.

Парижъ, 6-го (18) января (1845).

Прошрое воскресенье, отправивъ письмо мое къ вамъ, я самъ отправился въ концертъ консерваторіи. Играли симфонію Мендельсона, симфонію Бетговена, пѣли хоры изъ «Идоменей»—Моцарта, хоры изъ «Афинскихъ развалинъ»—Бетговена. Это оркестровое исполненіе до такой степени совершенно, что я уже не могъ восхищаться, а мнѣ просто было смѣшно! Ежели я когда-нибудь, читая оркестровую партитуру, вмѣстѣ съ тѣмъ воображалъ слышать оркестръ въ полномъ его совершенствѣ, то въ концертѣ консерваторіи этотъ оркестръ осуществился въ ухахъ моихъ. Это волшебство, превосходящее всякое описаніе! Тутъ не то, что совершенная вѣрность, не то что неподражаемый ensemble, но вы слышите 150 человѣкъ музыкантовъ, одушевленныхъ однимъ и тѣмъ же чувствомъ, одною и тою же мыслью, и въ одинъ и тотъ же мигъ! Вы слышите 50 скрипокъ, сливающихся въ одинъ густой звукъ: этотъ звукъ усиливается, утихаетъ и выполняетъ оркестровые рисунки съ такою точностью, какъ будто бы онъ зависѣлъ отъ одного токмо человѣка. Этого мало: даже глаза ваши поражены согласнымъ движеніемъ смычковыхъ вверхъ и внизъ. Они напомнили мнѣ маршировку нашей гвардіи на парадѣ, и я подумалъ: «ахъ вы, Французы! Мы ногами дѣйствуемъ не хуже, какъ вы руками!»¹⁾ И чтожь вы думаете? Лучшее парижское общество не ѣздитъ въ эти концерты! C'est bon pour les canailles, qu'on nomme artistes! а общество ѣздитъ слушать одного только Доницетти.

¹⁾ Глинка иначе оцѣнялъ оркестръ парижской консерваторіи. Говоря про одинъ концертъ той же самой зимы, онъ пишетъ: «Играли 6-ю симфонію Бетговена, исполненіе было превычурное, такъ что я симфонію Бетговена не узналъ и тогда же сказалъ: on m'a escamoté la symphonie. Кромѣ того, духовые иногда срывались, въ особенности валторны и кларнеты». (Записки М. И. Глинки, изд. «Русской Старины», Спб., 1870 г., стр. 151.

Новый годъ встрѣтилъ я, ежели не очень весело, то по крайней мѣрѣ очень живо. Я былъ на балѣ у Глинки. Милыя ученицы его, съ примѣсю нѣкоторыхъ возвратившихся изъ Петербурга маскарадныхъ французенокъ, выпили съ нами пуншину и шампанскаго. Танцы были очень анимированы. Кавалеры были болѣею частью пожилые русскіе господа. Надо вамъ сказать, что пожилые люди съ деньгами наслаждаются въ Парижѣ, какъ боги на Олимпѣ. Француженки увѣряютъ ихъ, что они въ самой лучшей порѣ жизни, разодѣнутъ ихъ въ лаковые сапоги, модное платье, напялятъ на руки бѣлыя перчатки и таскаютъ ихъ по кофейнамъ и театрамъ. А тѣхъ, которые очень щедры, даже ревнуютъ. Между прочими дамами была на балѣ Глинки Désirée Mayer, которая была у насъ и актриса и маскарадная дама. Она въ восхищеніи отъ Россіи, какъ я отъ концерта консерваторіи, превозноситъ русскихъ, и поетъ русскія пѣсни. Мы съ ней съ большимъ эффектомъ танцовали русскую пляску: я самъ судить не могу, но говорятъ, что очень было трогательно. Я возвратился домой въ 2 часа ночи. Это еще въ первый разъ въ Парижѣ: обыкновенно я уже дома прежде 12-ти часовъ. Не можете себѣ представить, сколько я хожу пѣшкомъ, непременно въ день выхожу верстъ около 8-ми или 10-ти. По большей части, когда шатаюсь по Парижу, то шатаюсь не одинъ, а съ княземъ Багратиономъ. Мы съ нимъ полагаемъ выѣхать изъ Парижа въ одно время, онъ—въ Лондонъ, а я—въ Брюссель: до того, съ 25-го января, будемъ жить вмѣстѣ въ Hôtel de Bruxelles, rue Richelieu, 47.

Парижъ, 20-го января (1 февраля) (1845).

Второй концертъ консерваторіи состоялъ изъ симфоніи Бетговена (*Symphonie héroïque*), концерта Моцарта, сцены Lully, и хоровъ Бетговена изъ ораторіи «*Jésus sur le mont des olives*». Совершенство исполненія одинаково съ первымъ. Мудрено вообразить себѣ что-либо удовлетворительнѣе. Многіе иностранные артисты удивляются, что я могъ изучить музыку въ варварской Россіи; но я болѣе ихъ удивляюсь, что Французы, которые, по моему мнѣнію, самый антимузыкальный народъ, которые не знаютъ—и никогда знать не будутъ,—что такое звучный, ритмованный стихъ, потому что ихъ стихи не имѣютъ никакихъ ритмовъ, могутъ довести исполненіе музыки Бетговена до такого высокаго

совершенства. Впрочемъ, мнѣ говорили, что въ теченіе 15-ти лѣтъ они всякій годъ учатъ и играютъ одѣ и тѣ же симфоніи....¹⁾

(Парижъ.—Февраль 1845).

На этихъ дняхъ мы съ Ник. Ив. Гречемъ перебивали во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ. Онъ былъ такъ добръ, что досталъ отъ президента *Cour d'assises* позволеніе присутствовать при процессахъ въ *tribune réservée* (слѣдуютъ пространные рассказы о судахъ, адвокатахъ и отдѣльныхъ процессахъ)... Я водилъ Греча къ Бориспольцу,²⁾ который почти кончилъ свой образъ. Образъ отлично хорошъ. Гречь обѣщаль привезти къ нему *Hogase Vernet*, и напечатать отзвѣвъ сего послѣдняго въ «Сѣверной Пчелѣ». Борисполець написалъ и мой портретъ. Мастерства очень много и кажется похожъ. Я привезу его съ собой.³⁾

За симъ цѣлую ваши ручки, у мамы тожъ. Ирму, Сою, Николаю обнимаю.⁴⁾ Въ пятницу буду въ Брюсселѣ. *Alexandre*.

Что опера Львова⁵⁾ — какъ принята? Я радъ за него — что добился своего!

III.

Письма Даргомыжскаго къ Вл. Георг. Кастриото-Скандербеку.

С.-Петербургъ, 10-го августа 1843 г. ⁶⁾

Любезный другъ Кастриотъ, твое неожиданное письмо обрадовало меня такъ, что и рассказать нельзя: во-первыхъ, какъ доказательство памяти твоей о человѣкѣ, который все по прежнему тебя любитъ, а потомъ, какъ начало интересной переписки съ лицомъ, питающимъ къ изящнымъ искусствамъ такую истинную любовь, какая у тебя есть къ музыкѣ. Ты думаешь, что

¹⁾ Слѣдующая здѣсь нижняя половина первой страницы письма отрѣзана.

²⁾ Платонъ Тимосеевичъ Бориспольецъ, живописецъ, ученикъ К. П. Брюлова, пріятель Глинки и Даргомыжскаго В. С.

³⁾ Этотъ портретъ принадлежитъ теперь А. П. Опочнину. В. С.

⁴⁾ Ирма и Соля — сестры Даргомыжскаго: Эрминія и Софья Сергѣевны; Коля — Ник. Алекс. Степановъ, мужъ послѣдней, извѣстный нашъ каррикатуристъ, издатель «Искры» и «Будильника». В. С.

⁵⁾ Опера на итальянскій текстъ «*Bianca e Gualtiero*», исполненная на Большомъ театрѣ итальянскими артистами: Рубини, Тамбурини и Виардъ.

⁶⁾ Первая половина этого письма писана по-французски. В. С.

долго не дождешься отъ меня отвѣта? Нѣтъ, не отгадалъ. Только что получилъ я твое письмо, и вотъ уже сижу съ перомъ въ рукѣ, отвѣчаю тебѣ. Ты говоришь, любезный другъ, что со времени выѣзда твоего изъ Петербурга ты почти ничего не сдѣлалъ? Значить, на этотъ разъ ошибся я въ своей догадкѣ: я былъ твердо убѣжденъ, что тебѣ не устоять противъ твоего таланта. Что касается терпѣнія и твердости характера, о которыхъ ты говоришь, вѣрно то, что всѣ испытываемыя художникомъ неудачи, прежде чѣмъ толпа успѣетъ понять его, были бы въ состояніи истощить въ конецъ его терпѣніе, если бы природа не одарила талантливаго человѣка утѣшительною способностью: вполне уединяться въ продолженіе долгихъ часовъ и забывать про толпу людскіе и даже про существованіе прочихъ людей, для того, чтобъ предаваться неизъяснимой склонности, влекущей его производить на свѣтъ различныя, одолеваяющія его, ощущенія. Я думаю, что главный двигатель у художника въ труду — это его любовь къ искусству, а потомъ уже идетъ наслажденіе передавать другимъ нить собственныхъ своихъ идей.

Ты спрашиваешь меня, любезный другъ, что я сдѣлалъ хорошаго послѣ твоего отъѣзда, и что подѣлываетъ моя «Эсмеральда»? «Эсмеральда» уже около двухъ лѣтъ вполне окончена. Несмотря на всѣ бури, поднятыя противъ этой несчастной дѣвочки, которой вся вина въ томъ только, что она явилась на свѣтъ непрощеная, она была принята театральною дирекціею, которая, однако же, до сихъ поръ все находитъ препятствія сдѣлать ее публичною, къ чему она назначена¹⁾. Я съ своей стороны вооруженъ терпѣніемъ и жду! Можно, кажется, по всей справедливости пропѣть мнѣ французскій романсъ: «*Beau chevalier attendras longtemps!*» (Добрый молодецъ, жди-пожди!) Намедни, когда Брюловъ спрашивалъ меня, какіе у меня виды относительно моего труда, я отвѣтилъ ему, что сравниваю первую славу съ молодою дѣвушкою, хорошенькою, но капризною, которой хочешь сдѣлаться любовникомъ, но которая тебя еще не любитъ. Вообрази себѣ, сколько надобно употребить для этого обольщеній; какъ она противится, плачетъ, и уступаетъ только силѣ.

¹⁾ Игра словъ по-французски: «*Cette pauvre fille... pour en faire une fille publique, chose à laquelle elle est destinée.*»

За то, каковой потомъ рядъ наслаждений, когда... когда наконецъ она начинаетъ тебя любить!...

Но, какъ бы тамъ ни было, не подумай, что я все это время оставался въ праздности. Не считая большого числа музыкальныхъ пьесъ, написанныхъ мною для любительскихъ спектаклей, для музыкальныхъ альбомовъ и особенно для серенадъ, которыя я въ прошломъ году давалъ на Черной Рѣчкѣ, я написалъ большую кантату, съ хорами и тремя партіями для пѣнія соло, содержащую 5 большихъ музыкальныхъ нумеровъ. Я взялъ текстъ у нашего безсмертнаго Пушкина: «Торжество Вакха». Я ничего не измѣнилъ въ этой поэмѣ, вакхической и сладострастной отъ начала и до конца. Я еще не давалъ пробовать мою кантату и никому не игралъ ее; но если ты хочешь знать, что я самъ про нее думаю, то я тебѣ скажу, что, мнѣ кажется, я никогда ничего лучше этого не напишу. Впрочемъ, я можетъ быть ошибаюсь.

Что касается моихъ мелкихъ пьесъ для пѣнія, которыя ты изъ дружбы ко мнѣ желаешь имѣть, то скоро ты получишь ихъ всѣ: нѣкто Ли (Lee), хозяинъ музыкальнаго магазина, взялся напечатать ихъ всѣ (числомъ 30); это составитъ полное собраніе, въ 5-ти частяхъ, по 6 пьесъ въ каждой. Изданіе начато, но подвигается медленно. Оттого я былъ бы очень радъ, если бы нѣсколько лицъ изъ провинціи написали издателю про мои романсы; это заставило бы его поторопиться. А я самъ ничего тутъ не могъ подблать, потому что по условію съ нимъ я имѣю право вступаться въ продажу моихъ романсовъ только спустя полгода по выходѣ ихъ въ свѣтъ. И такъ, любезный другъ, обратись къ нему; пусть онъ высылаетъ тебѣ каждый выпускъ по мѣрѣ выхода его.

Вотъ его адресъ: «Въ музыкальный магазинъ Ф. Ли, бывшій Пеца, въ Большой Конюшенной, противъ Демутова трактира, и пиши ему по-французски.

1) Много у меня есть мелкихъ сочиненій, которыхъ ты еще не знаешь. Жаль, что тебя такъ долго здѣсь нѣтъ! попѣли бы мы! и поиграли, и пописали!... Впрочемъ, неужели ты зимой не пріѣдешь слушать итальянскую оперу? Рубини и Тамбурини бу-

1) Отъ сихъ поръ начинается русскій текстъ.

дутъ на нашей сценѣ. Пріѣзжай непременно, хоть на три мѣсяца. Слухъ прошелъ здѣсь, что будто ты женился, я-было порадовался за тебя, но, видно, пустяки. Пиши мнѣ, что ты дѣлаешь, а оркестра не заводи, не хорошо будетъ! У меня въ головѣ новая опера,¹⁾ но плохо осуществляется. Ботаника меня отвлекаетъ. Прощай; не забывай меня!

16 нумеровъ «Руслана», т. е. все, что есть напечатаннаго, съ пересылкою стоитъ 15 руб. серебромъ, тутъ уже съ уступкою для меня. Вотъ славная вещь, которая не достигла своей цѣли! а сколько надо таланта и труда, чтобы написать ее! Много есть нумеровъ, которыми я отъ души восхищаюсь.

21 janvier (1844).

Je ne vous écris que quelques mots, mon cher Castriot, car vous ne saurez croire combien il m'est survenu d'occupations de tout genre à la fois.

Ты можешь быть считаешь меня получестнымъ человѣкомъ потому, что я, получивъ твои деньги, не давалъ тебѣ по сіе время отвѣта. Причина тому очень проста и ты ее угадываешь, а именно: Ля задержалъ въ печати 3-ю тетрадь моихъ романсовъ. Теперь посылаю тебѣ 3 первые части; когда выйдутъ остальные, тотчасъ же пришлю. Пой куда поется и вспоминай насъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, романсы мои до такой степени поются, что и мнѣ надобли. Однако все еще изрѣдка пишу новенькіе. Я взялся быть дирижеромъ Музыкальнаго общества, собирающагося разъ въ недѣлю. Въ командѣ у меня оркестръ изъ 20-ти человѣвъ любителей и хоръ изъ 25-ти любителей. Работы мнѣ очень много, но идетъ понемногу; послѣдній разъ пробовалъ я съ ними танцы «Трюановъ» изъ оперы.²⁾ Не можешь себѣ представить, какъ въ оркестрѣ странно и ново выходитъ. Жаль, что тебя нѣтъ, а дѣлать нечего.

До свиданія. Даргомыжскій.

Варшава, 30-го марта (11-го апрѣля) (1845).

Какъ встрѣча наша въ Вѣнѣ, такъ и разставаніе съ тобою были неожиданны, душа моя, Кастріотъ. Съ пріятностію вспо-

¹⁾ «Руслана».

В. С.

²⁾ «Эсмемальды».

В. С.

минаю о нашихъ съ тобою походахъ по великому граду сему. Мчавшись уже по желѣзной дорогѣ въ Лейпникъ,¹⁾ вспомнилъ я, что остался твоимъ должникомъ на 2¹/₂ гульдена. При первомъ свиданіи поквитаюсь; покуда благодарю за угощеніе.

Сегодня я выѣзжаю изъ Варшавы на Ковно. Видѣлъ я маменьку твою и былъ у нея 2 раза, Любить она тебя такъ — какъ только лишь однѣ матери любить могутъ. Я рассказалъ ей о нашемъ житьѣ въ Вѣнѣ и о твоихъ проектахъ и намѣреніяхъ. Кажется она съ удовольствіемъ слушала меня; она видѣла во мнѣ человека, который точно любить тебя, хотя и находить въ тебѣ нѣкоторыя несообразности. Увѣренъ, что доброе твое сердце и благородныя качества рано или поздно всѣ эти несообразности уничтожатъ.

Теперь идутъ мои къ тебѣ просьбы. Первая — писать ко мнѣ, изъ какой бы то страны ни было: въ Петербургъ, на Моховую, домъ Есакова. Вторая — прислать мнѣ адресъ, на который Мюльгоферъ²⁾ просилъ меня писать къ нему, а его потерялъ. Третья — собирать рукописи какъ говорено. Четвертая — любить меня по прежнему. За симъ прощай. Надѣюсь, по приѣздѣ въ Петербургъ, найти и письмо твое, и article Мюльгофера, и нѣкоторыя вѣнскія новости.

Прощай душа, добрый мой Кастріотъ!

С.-Петербургъ, 19-го мая 1845 г.

Я еще прежде тебя, другъ Кастріотъ, узналъ здѣсь о кончинѣ сестры твоей³⁾ въ Варшавѣ, и подумалъ о тебѣ, зная твое

¹⁾ Лейпникъ — Лейпцигъ.

В. С.

²⁾ Лѣтъ тридцать тому назадъ я поселился въ Вѣнѣ съ музыкальною цѣлью; у меня было множество знакомыхъ, такъ какъ я состоялъ членомъ артистическаго общества подъ названіемъ Concordia; въ этомъ обществѣ членами и посѣтителями могли быть только композиторы, живописцы и литераторы. Въ то время Даргомыжскій проѣзжалъ чрезъ Вѣну, остановился у меня на квартирѣ и пробылъ недѣлю съ двѣ; я познакомилъ его со многими лицами, жителями Вѣны, въ томъ числѣ и съ Мюльгоферомъ; но о семъ послѣднемъ я ничего особеннаго не знаю и не помню. Кажется онъ писалъ журнальныя статьи, и Даргомыжскій просилъ его доставлять ему въ Петербургъ какія-то свѣдѣнія; но въ чемъ онѣ заключались — не помню.

В. Кастріото-Скандербекъ.

³⁾ Вѣра Георгіевна Кастріото-Скандербекъ, въ замужествѣ за генераломъ отъ инфантеріи А. К. Ушаковымъ, председателемъ Главнаго Военнаго Суда.

доброе, способное къ привязанности, сердце. Ты нѣкоторое время колебался — пускаться-ли въ дальній путь или воротиться въ нашу Россію. Но видно рѣшился продолжать свое путешествіе. Во всякомъ случаѣ увѣдомь меня навѣрное о твоихъ намѣреніяхъ.

Благодарю тебя отъ души за присланные тобою газетные листки. Я и первый изъ нихъ получилъ, но не знаю почему, а получилъ я его очень поздно, и усомнился-было въ твоей акуратности.

Несмотря на то, что весьма желалъ бы видѣть тебя здѣсь, у насъ въ Петербургѣ, въ постоянныхъ со мною музыкальныхъ занятіяхъ, я все-таки исполнилъ порученіе твое: былъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и справлялся о твоёмъ паспортѣ. Узнавъ, что о немъ нѣтъ еще никакого свѣдѣнія, я былъ и въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Тамъ тоже еще ничего не получено. Напрасно ты не написалъ поакуратнѣе, когда и за какимъ № писано изъ Вѣны; я еще справлюсь немного погодя. Если просьба твоя придетъ, то похлопочу о тебѣ и постараюсь, чтобъ не задерживали.

Я еще, по возвращеніи, ничего нужнаго не дѣлаю: однако лѣтомъ, когда мои переѣдутъ на дачу, буду обдумывать новую оперу. Многіе здѣсь смѣются и не понимаютъ: изъ чего я бьюсь. Но ты понимаешь, и знаешь, дѣло-ли я дѣлаю или нѣтъ. «Вакханки»¹⁾ начинаю инструментовать.

Я очень радъ, что ты не бросаешь музыку и пишешь; но не знаю, дѣльно-ли ты написалъ? Совѣтую тебѣ пропататься по Европѣ до осени; а къ зимѣ пріѣзжай къ намъ въ Питеръ. Вмѣстѣ послушаемъ Итальянцевъ и сами себя дадимъ послушать. А шестимѣсячнаго путешествія для тебя довольно будетъ, чтобъ убѣдиться, что нѣтъ въ мірѣ народа лучше русскаго, и что ежели существуютъ въ Европѣ элементы поэзіи, то это въ Россіи. А раны Россіи когда-нибудь да залечатся, покуда зачѣмъ смотрѣть на нихъ. Прощай, другъ, цѣлую тебя также вѣрно, какъ и люблю. Alexandre.

Сообщ. В. В. Стасовъ и В. Г. Кастріото-Скандербергъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ «Горжество Вакха», кантата.